

Д.Н. МАМИН - СИБИРЯК

ВЕРТЕЛ

Ж. А.
(ср.)

ЦЕНА
9
КОП/к

М-223
Д. В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

5/III 302

1957-58 г.

~~43983~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

*

М-222

ВЕРТЕЛ

РАССКАЗ

Рисунки Л. ПОПОВОЙ

оп
1

9

2

9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

оп.

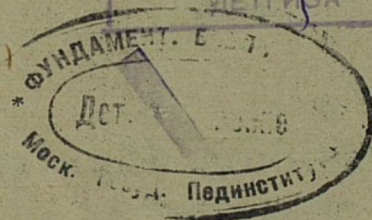
М.223, Д.В.

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главл. А-24615. Д-22. Гиз 27826.
Заказ № 2331. Тираж 50 000 экз.

~~23985~~ 1067-58 Р.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ДЕТСКИХ КНИГ
ДЕТГИЗА

644691 КХ-Рег

Российская государственная
детская библиотека

Летнее яркое солнце врывалось в открытое окно, освещая мастерскую со всем ее убожеством, за исключением одного темного угла, где работал Прошка. Солнце точно его забыло. Прошка, только вытянув шею, мог видеть из-за широкой деревянной рамы своего колеса всего один уголок окна, в котором точно были нарисованы зеленые грядки огорода, за ними — блестящая полоска реки, а в ней — купающаяся городская детвора. В раскрытое окно доносился крик купавшихся, грохот катившихся по берегу реки тяжело нагруженных телег, далекий перезвон монастырских колоко-

лов и отчаянное карканье галок, переле-
тавших с крыши на крышу городского
предместья Теребиловки.

Мастерская состояла всего из одной
комнаты, в которой работали пять чело-
век. Раньше здесь была баня, и до сих
пор еще чувствовалась банная сырость,
особенно в том углу, где, как паук, ра-
ботал Прошка. У самого окна стоял де-
ревянный верстак с тремя кругами, на ко-
торых шлифовались драгоценные камни.
Ближе всех к свету сидел старик Ерми-
лыч, работавший в очках. Он считался
одним из лучших гранильщиков в Екате-
ринбурге, но начинал видеть с каждым
годом все хуже. Ермилыч работал, от-
кинув немного голову назад, и Прошке
была видна только его борода какого-то
молочного цвета. Во время работы Ер-
милыч любил рассуждать вслух, причем
без конца бранил хозяина мастерской,
Ухова.

— Плут он, Алексей-то Иваныч, вот что! — повторял старик каким-то сухим голосом, точно у него присохло в горле. — Морит он нас, как тараканов. Да... И работой морит, и едой морит. Чем он нас кормит? Пустые щи да каша — вот и вся еда. А какая работа, ежели у человека в середине пусто?.. Небось сам-то Алексей Иваныч раз пять в день чаю напьется. Дома два раза пьет, а потом еще в гости уйдет и там пьет... И какой плут: обедает вместе с нами, да еще похваливает... Это он для отводу глаз, чтобы мы не роптали. А сам еще наверно пообедаёт наособицу.

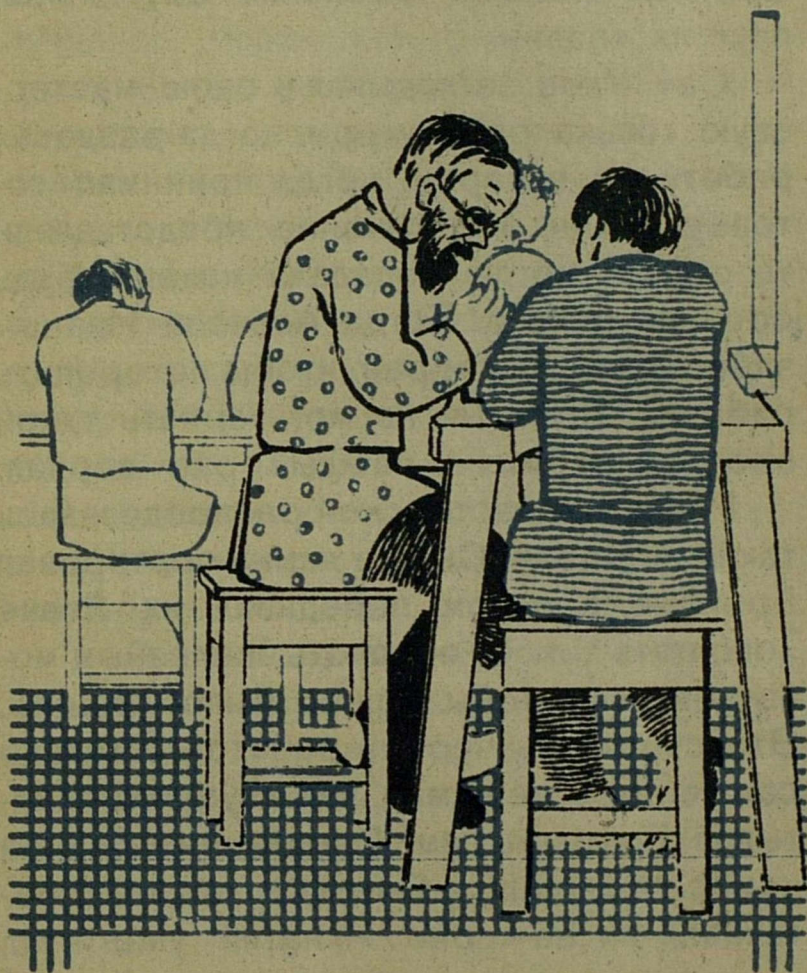
Работавший рядом с Ермилычем чахоточный мастер Игнатий обыкновенно молчал. Это был угрюмый человек, не любивший даром терять слова. Зато подмастерье Спирька, молодой, бойкий парень, щеголявший в красных кумачовых рубахах, любил подзадорить деду-

шку, как называли рабочие старика Ермилыча.

— И плут же он, Алексей-то Иванныч! — говорил Спирька, подмигивая Игнатию. — Мы-то чахнем на его работе, а он плутует. Целый день только и делает, что ходит по городу да обманывает, кого попросе. Помнишь, дедушка, как он стекло продал барыне в проезжающих номерах? И еще говорит: „Сам все работаю, своими руками“...

— И еще какой плут! — соглашался Ермилыч. — В прошлом году вот как ловко подменил аметист проезжающему барину! Тот ему дал поправить камень, потому грань притупилась и царапины были. Я и поправлял еще... Камень был отличный!.. Вот он его себе и оставил, а проезжающему-то барину другой всучил... Известно, господа не понимают, что к чему.

Четвертый рабочий Левка, немой от рождения, не мог принимать участия в

этих разговорах и только мычал, когда Ермилыч знаками объяснял ему, какой плут их хозяин.

Сам Ухов заглядывал в свою мастерскую только рано утром, когда раздавал работу, да вечером, когда принимал готовые камни. Исключение представляли те случаи, когда попадала какая-нибудь срочная работа. Тогда Алексей Иванович забегал по десяти раз, чтобы поторопить рабочих. Ермилыч не мог терпеть такой срочной работы и каждый раз ворчал.

Работа в мастерской распределялась таким образом. Сырые камни сортировал Ермилыч, а потом передавал их Левке „околтать“, т. е. обколоть железным молотком так, чтобы можно было гранить. Это считалось черной работой, и только самые дорогие камни, как изумруд, околтывал Ермилыч сам. Околтанные Левкой камни поступали к Спирьке, который обтачивал их на-черно. Игнатий уже клал

фасетки (грани), а Ермилыч поправлял еще раз и полировал. В результате получались играющие разными цветами драгоценные и полудрагоценные камни: изумруды, хризолиты, аквамарины, тяжеловесы (благородный топаз), аметисты, а больше всего раух-топазы (дымчатого цвета горный хрусталь) и просто горный бесцветный хрусталь. Изредка попадали и другие камни, как рубины и сапфиры, которые Ермилыч называл „зубастыми“, потому что они были тверже всех остальных. Старик относился к камням как к чему-то живому, и даже сердился на некоторые из них.

— Это какой камень? Прямо сказать — враг наш, — ворчал он, пересыпая на руке блестящие, изумрудно-зеленые зерна хризолита. Всякий другой камень мокрым наждаком точится, а этому подавай сухой. Вот как наглотаешься пыли-то... Одна маета.

Большие камни точили прямо рукой, нажимая камнем на вертевшийся круг, а мелкие предварительно прилепляли особой мастикой к деревянной ручке. Во время работы вертевшийся круг постоянно смачивался наждаком. Наждак — порода корунда, которую для гранения и шлифования превращают в мельчайший порошок. При работе высохший наждак носится мелкой пылью в воздухе, и рабочие дышат этой пылью, засоряя легкие и портя глаза. Благодаря именно этой наждачной пыли и работе в тесных помещениях, без вентиляции, большинство рабочих-гранильщиков страдают грудными болезнями и рано теряют зрение. Прибавьте к этому еще то, что работать приходится в тесных помещениях, без всякой вентиляции, как у Алексея Иваныча.

— Тесновато... да... — говорил сам Ухов. — Ужо новую мастерскую выстрою,

как только поправлюсь с делами немного.

Год шел за годом, а дела Алексея Иваныча все не поправлялись. Относительно пищи повторялось то же самое. Алексей Иваныч сам иногда возмущался обедом своих рабочих и говорил:

— Какой это обед? Разве такие обеды бывают? Вот только поправлюсь делами, тогда все повернем по-настоящему.

Алексей Иваныч никогда ни спорил, не горячился, а соглашался со всеми и делал по-своему. Даже Ермилыч, как ни бранил хозяина за глаза, говорил:

— Ну и человек тоже уродился! Его как живого, налива, никак ни ухватишь рукой. Глядишь, и вывернулся. А на словах-то, как гусь на воде... Он же еще и жалеет нас!.. И тесно-то нам, и еда-то плохая... Одним словом, кругом плут!..

Солнце светило во все глаза, как оно светит только в июле. Было часов одиннадцать утра. Ермилыч сидел на самом припеке и наслаждался теплом. Его уже не грела старая кровь. Прошка думал целое утро об обеде. Он постоянно был голоден и жил только от еды до еды, как маленький голодный зверек. Он рано утром заглянул в кухню и видел, что на столе лежал кусок „шейны“ (самый дешевый сорт мяса, от шеи) и вперед предвкушал удовольствие поесть шей с говядиной. От этих мыслей у Прошки щемило в желудке и он глотал голодную слюну. Если бы можно было наедаться до-сыта каждый день!..

Прошка вертел свое колесо, закрыв глаза. Он часто так делал, когда мечтал. Но его мысли сегодня были нарушены неожиданным появлением Алексея Ива-

ныча. Это значило, что кто-то придет в мастерскую, и что придется ждать обеда. Алексей Иванович озабоченно смотрел кругом.

— Этакая грязь!.. — думал он вслух. — И откуда только она берется? Хуже, чем в конюшне... Спирька, хоть бы ты прибрал что-нибудь!

Спирька с недоумением посмотрел кругом. Если убирать, так надо всю мастерскую разнести по бревнышку. Он все-таки перенес из одного угла в другой несколько тяжелых камней, валявшихся в мастерской без всякой надобности. Этим все и кончилось. Алексей Иванович только покачал головой и проговорил:

— Ну и мастерская, нечего сказать! Только свиней держать.

Время подошло к самому обеду, когда у ворот уховского дома остановился щегольской экипаж, и из него вышла на-

рядная дама с двумя детьми: девочкой лет двенадцати и мальчиком лет десяти. Алексей Иваныч выскочил встречать дорогих гостей за ворота без шапки и все время кланялся.

— Уж вы извините, сударыня! Грязновато будет в мастерской: а камушки вы можете посмотреть у меня в доме.

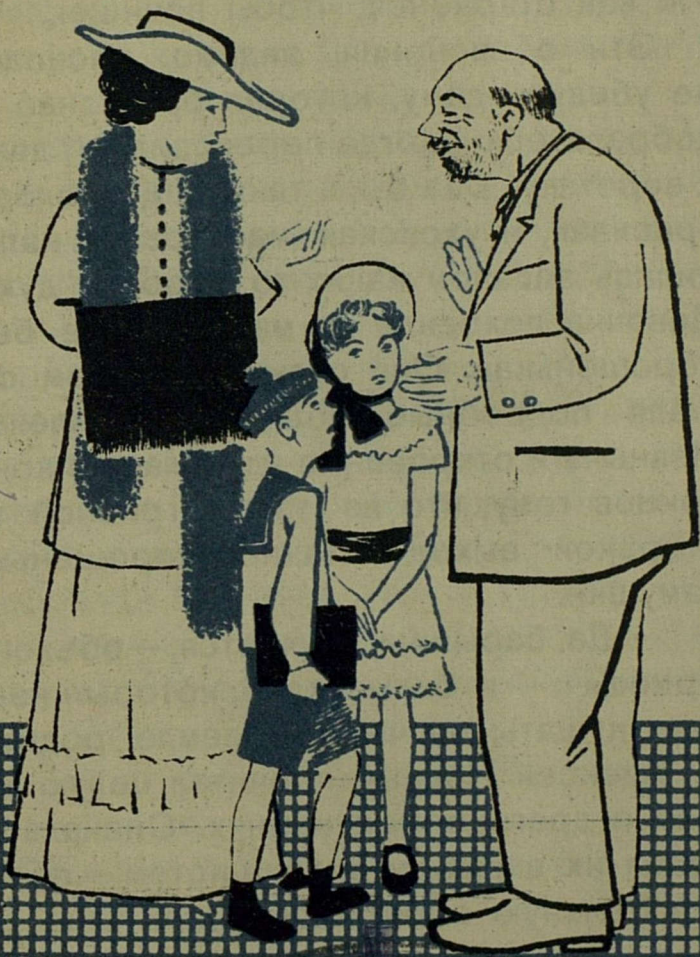
— Нет, нет, — настойчиво повторяла дама. — Камни я могу купить и в магазине; а мне именно хочется посмотреть вашу мастерскую, т. е. показать детям, как гранятся камни.

— А, это другое дело! Милости просим...

Дама поморщилась, когда переступила порог уховской мастерской. Она никак не ожидала встретить такое убожество.

— Отчего у вас так грязно? — удивлялась она.

— Нам никак невозможно соблюдать чистоту, — объяснял Алексей Иваныч. —

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОШКОЛЬНИКОВ
ДЕТ. ИЗДА

Известно, камень... Пыль, сор, грязь...
Уж как стараемся, чтобы почище...

Эти объяснения, видимо, несколько не убедили даму, которая брезгливо подобрала юбки, когда переходила от двери к верстаку. Она была такая еще молодая, красивая, и уховская мастерская наполнилась запахом каких-то дорогих духов. Девочка походила на мать и тоже была хорошенькая. Она с любопытством слушала подробные объяснения Алексея Иваныча и откровенно удивилась в конце концов тому, что из такой грязной мастерской выходят такие хорошенькие камушки.

— Да, барышня, случается, — объяснил Ермилыч: — и белый хлеб, который изво-лите кушать, на черной земле родится.

Алексей Иваныч прочитал целую лекцию о драгоценных камнях. Сначала показал их в сыром виде, а потом — последовательную обработку.

— Прежде камней было больше, — объяснил он, — а теперь год от году все меньше и меньше. Вот взять александрит, — его днем с огнем не найдешь. А господа очень его уважают, потому как днем он зеленый, а при огне красный.

Мальчик совсем не интересовался камнями. Он не понимал, чем любуются мать и сестра, и чем хуже граненые цветные стекла. Его больше всего заняло деревянное большое колесо, которое вертел Прошка. Вот это штука, действительно, любопытная: такое большое колесо и вертится! Мальчик незаметно пробрался в темный угол к Прошке и с восхищением смотрел на блестящую железную ручку, за которую вертел Прошка.

— Отчего она такая светлая?

— А от рук, — объяснил Прошка.

— Дай-ка, я сам поверчу...

Прошка засмеялся, когда барчонок принялся вертеть колесо.

— Да, это очень весело... А тебя как зовут?

— Прошкой.

— Какой ты смешной: точно из трубы вылез.

— Поработай-ка с мое, так не так еще почернеешь!

— Володя, ты куда это забрался? — удивилась дама. — Еще ушибешься...

— Мамочка, ужасно интересно!.. Отдай меня в мастерскую, — я тоже вертел бы колесо. Очень весело!.. Вот смотри! И какая ручка светлая, точно отполированная. А Прошка походит на галчонка, который жил у нас. Настоящий галчонок...

Мать Володи заглянула в угол Прошки и только покачала головой.

— Какой он худенький, — пожалела она Прошку. — Он чем-нибудь болен?

— Нет, ничего, — объяснил Алексей Иваныч. — Круглый сирота, ни отца, ни матери... Не от чего жиреть, сударыня!

Отец умер от чахотки... Тоже мастер был по нашей части. У нас много от чахотки умирает...

— Значит, ему трудно?

— Нет, зачем трудно? Извольте сами попробовать... Колесо, почитай, само собой вертится.

— Но ведь он работает целый день?

— Обыкновенно...

— А когда утром начинаете работать?

— Не одинаково, — уклончиво объяснил Алексей Иванов, не любивший таких расспросов. — Глядя по работе... В другой раз — часов с семи.

— А кончаете когда?

— Тоже не одинаково: в шесть часов, в семь, — как случится.

Алексей Иванов приврал самым бессовестным образом, убавив целых два часа работы.

— А сколько вы жалованья платите вот этому Прошке?

— Помилуйте, сударыня, какое жалование! Одеваю, обуваю, кормлю, все себе в убыток. Так из жалости держу сироту...

Дама заглянула в угол Прошки и только пожала плечами. Ведь это ужасно: целый день провести в таком углу и без конца вертеть колесо. Это какая-то маленькая каторга.

— Сколько ему лет? — спросила она.

— Двенадцать...

— А на вид ему нельзя дать больше девяти. Вероятно, вы его плохо кормите?

— Помилуйте, сударыня! Еда для всех у меня одинаковая. Я сам вместе с ними обедаю. Прямо сказать, в убыток себе кормлю, а только уж сердце у меня такое... Ничего не могу поделать и всех жалею, сударыня.

Барыня отобрала несколько камней и просила прислать их домой.

Когда барыня уехала, мастерская огласилась общим смехом.

— Духу только напустила! — ворчал Ермилыч. — Как от мыла пахнет...

— А Алексей Иваныч охулки на руку не положил: рубликов на пять ее околпачил, — сообразил Спирька.

— Что ей пять рублей? Наплевать! — ворчал Ермилыч. — У барских денежек глаз нет... Вот и швыряют. Алексей-то Иванычу это на-руку. Вот как распинаясь он перед барыней: соловьем так и поет.

— Платье на ней шелковое, часы золотые, колец сколько... Богатеющая барыня!

Дорогой маленький Володя объяснил матери, что Прощка „вёртел“.

— Что это значит? — не понимала та.

— А вертит колесо, — ну, и вышел: вертел. Не вертел, мама, а вертел.

III

Бедного Прощку часто занимал вопрос о тех неизвестных людях, для кото-

рых он должен был с утра до ночи вертеть в своем углу колесо. Другие дети веселились, играли и пользовались свободой, а он был точно привязан к своему колесу. Прошка понимал, что у других детей есть отцы и матери, которые их берегут и жалеют; а он — круглый сирота, и должен сам зарабатывать свой маленький кусочек хлеба, но ведь круглых сирот много на белом свете, и не все же должны вертеть колеса. Сначала Прошка возненавидел колесо, потому что не будь его, и не нужно было бы его вертеть. Потом Прошка начал ненавидеть Алексея Иваныча, которому его отдала в ученье тетка: Алексей Иваныч нарочно придумал это проклятое колесо, чтобы мучить его.

„Когда я вырасту большой, — раздумывал Прошка за работой, — тогда я отколочу Алексея Иваныча, изрублю топором проклятое колесо и убегу в лес“.

Последняя мысль нравилась Прошке больше всего. Что может быть лучше леса? Ах, как там хорошо! Трава зеленая-зеленая, сосны шумят вершинами, из земли сочатся студёные ключики, всякая птица поёт по-своему, — умирать не нужно! Устроить из хвои шалашик, разложить огонек, — и живи себе, как птица. Пусть другие задыхаются в городах от пыли и вертят колеса... Прошка уже видел себя свободным, как птица.

„Убегу! — решал Прошка тысячу раз, точно с кем-нибудь спорил. — Даже и Алексея Иваныча не буду бить, а просто убегу“.

Прошка думал целые дни, — вертит свое колесо и думает, думает без конца. Разговаривать за работой ему было неудобно, не то, что другим мастерам. И Прошка все время думал, думал до того, что начинал видеть свои мысли, точно живыми. Видел он часто и самого себя

и непременно большим и здоровым, как Спирька. Ведь хорошо быть большим. Не понравилось у одного хозяина, — пошел работать к другому.

Ненависть к Алексею Иванычу тоже прошла, когда Прошка понял, что все хозяева одинаковы и что Алексей Иваныч совсем не желает ему зла, а делает то же, что делали и с ним, когда он был таким же вертелом, как сейчас Прошка. Значит, виноваты те люди, которым нужны все эти аметисты, изумруды, тяжеловесы, — они и заставляли Прошку вертеть его колесо. Тут уж воображение Прошки отказывалось работать, и он никак не мог себе представить этих бесчисленных врагов, сливавшихся для него в одном слове „господа“. Для него ясно было одно, что они злые. Для чего им эти камни, без которых так легко обойтись? Если бы господа не покупали камней у Алексея Иваныча, ему пришлось

бы бросить мастерскую, — и только всего. А вон барыня еще детей притащила... Действительно, есть чем полюбоваться... Прошка видел во сне эту барыню, у которой камни были и на руках, и на шее, и в ушах, и на голове. Он ненавидел ее и даже сказал:

— У! злая...

Ему казалось, что и глаза у барыни светились, как светит шлифованный камень, — зеленые, злые, как у кошки ночью.

Перед Рождеством Прошка заболел. По ночам он стал кашлять; глаза у него так и горели лихорадочным огнем; на бледных щеках выступал чахоточный румянец. Мальчик умирал у своего колеса от наждачной пыли, дурного питания и непосильной работы.

И все же Прошка продолжал работать, несмотря на то, что даже Алексей

Иваныч уговаривал его отдохнуть. Мальчику было совестно есть чужой хлеб даром... А колесо делалось с каждым днем точно все тяжелее и тяжелее... От натуги у Прошки начинала кружиться голова, и ему казалось, что вместе с колесом вертится вся мастерская. По ночам он видел во сне целые груды граненых драгоценных камней, розовых, зеленых, синих, желтых. Хуже всего было, когда эти камни радужным дождем сыпались на него и начинали давить маленькую больную грудь, а в голове начинало что-то тяжелое кружиться, точно там вертелось такое же деревянное колесо, у которого Прошка прожил всю свою маленькую жизнь.

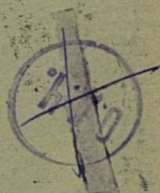
Потом Прошка слег. Ему пристроили небольшую постельку тут же, в мастерской. Ермилыч ухаживал за ним почти с женской нежностью и постоянно говорил:

— Ты бы поел что-нибудь, Прошка!
Экой ты какой!..

Но Прошка ничего не хотел есть; он относился ко всему безучастно, точно придавленный своею болезнью.

Через две недели его не стало.

50=

17477